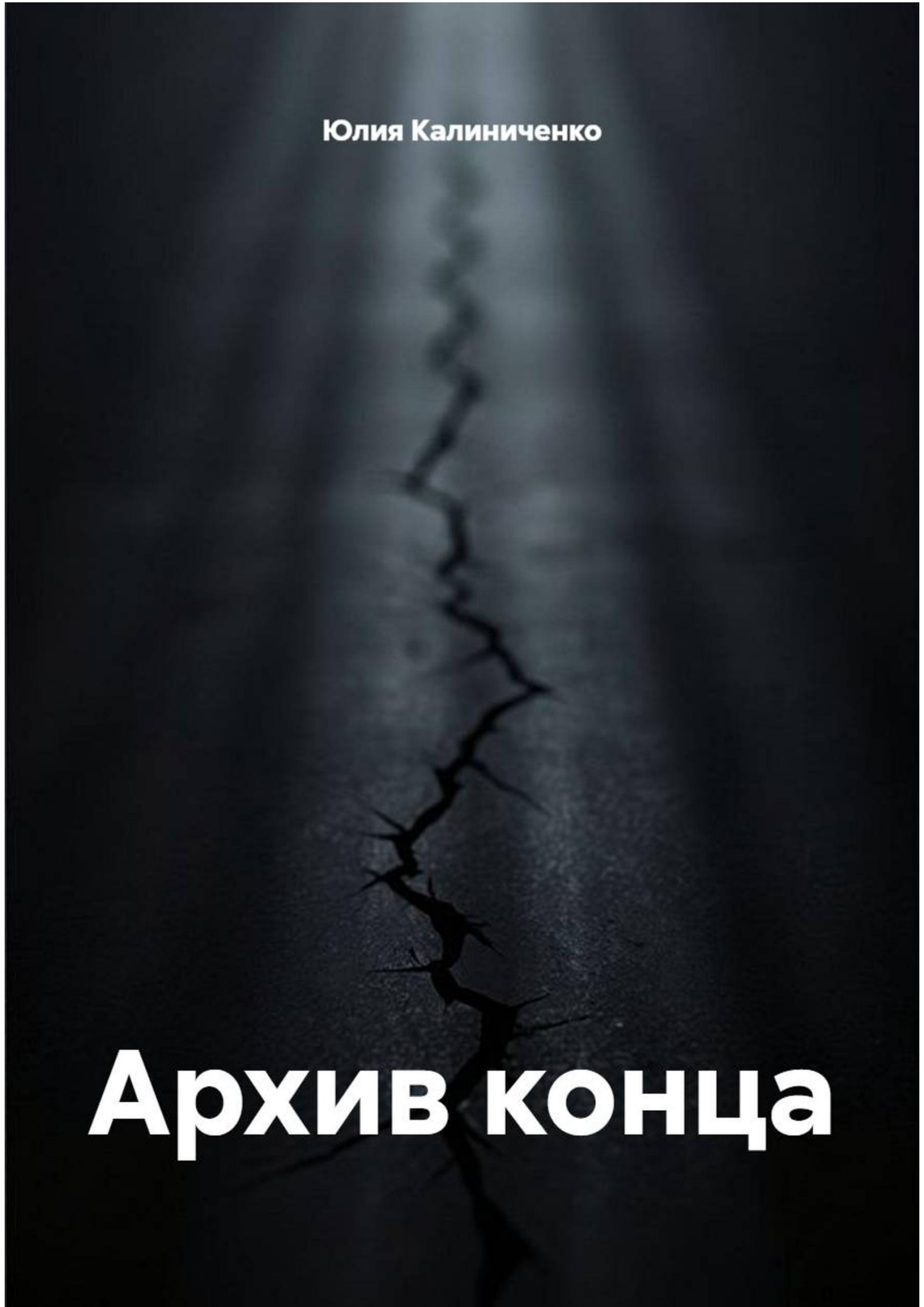

Юлия Калиниченко

Архив конца

Юлия Калиниченко

Архив конца

«Автор»

2026

Калиниченко Ю. В.

Архив конца / Ю. В. Калиниченко — «Автор», 2026

Катастрофа пришла не извне, а изнутри самой ткани реальности. Физики предупреждали о нестабильности границ пространства и времени, но никто не верил, что эти границы могут просто раствориться.

© Калиниченко Ю. В., 2026

© Автор, 2026

Юлия Калиниченко

Архив конца

«Архив конца»

Я была той единственной, которой все показали. Больно это было или любопытно, я еще и сама не поняла. Толпа вокруг замерла, будто ждала, что я закричу или упаду, но я только моргнула, и в этом молчании стало страшнее, чем в любом крике.

Меня выбрали сами Боги, чтобы я стала свидетельницей обнуления Земли. Картина была невыносимой и прекрасной одновременно: от неё хотелось кричать и в то же время застыть, не пропуская ни мгновения. Но главный вопрос жёг изнутри: почему я? Почему этот груз достался только мне? Я осталась единственной на планете — словно весь человеческий род стёрли, оставив лишь меня.

Они прибыли, чтобы стереть людей с лица планеты — и я была вынуждена смотреть. Существа без имени, будто вырванные из самого тёмного кошмара: сороконожка, чудовищно раздутая до размеров лошади. Их тела покрывала чёрная рыба чешуя, и в темноте она не просто переливалась — она будто шевелилась, рождая призрачные всполохи всех оттенков, которых не должно быть в мире.

Морда — как у ящерицы, но в кошачьих глазах не было ничего человеческого: только холодная, расчётливая пустота. Вокруг головы топорщились шипы, острые, словно осколки разбитого стекла. А когда одно из них медленно, нарочно распахнуло пасть, внутри сверкнули ряды зубов — акулы, безжалостные, бесконечные. Казалось, эта пасть могла поглотить не только тело, но и саму память о тебе.

Я стояла и понимала: эти твари не просто пришли. Они были созданы для того, чтобы не осталось ни следа, ни имени, ни истории. Чтобы планета забыла, что здесь когда-то жили люди».

Им был отдан приказ стереть людей так, словно их никогда и не существовало. И я стояла там — единственная свидетельница этого кошмара.

Была ночь. Луна, будто нарочно, высвечивала лишь обрывки картины — самые страшные фрагменты: как эти твари терзали людей, как рвали плоть, а потом пожирали. Каждый такой луч лунного света выхватывал из тьмы новую сцену ужаса — и тут же прятал, чтобы через миг явить ещё более жуткую.

Воздух был пропитан криками. Они врезались в уши, в кости, в самую суть меня — эти вопли, полные боли и отчаяния, теперь навсегда поселились в моей голове. Я слышала каждый из них, и ни один не затихнет уже никогда.

А меня они не тронули. Проходили мимо, будто я была не человеком, а просто вехой, меткой на земле. Словно меня оставили в живых не из милосердия, а как живое напоминание — как память о том, что здесь когда-то был целый мир. И от этого становилось страшнее всего: я — единственный архив исчезнувшего человечества, обречённый вечно хранить эту картину.

Это была не просто жуть. Это был конец, показанный мне в деталях, с беспощадной, холодной тщательностью.

И тут вдруг крики начали стихать — один за другим, будто кто-то медленно поворачивал ручку громкости. Наступила мёртвая тишина, и от неё кровь стыла в жилах куда сильнее, чем от воплей. Только низкий, вибрирующий гул шёл от самих существ — он не звучал в ушах, он ощущался внутри груди, как будто сама планета стонала под их шагами.

В этом гуле я слышала ещё кое-что: тихое, упрямое тиканье. Повернулась и увидела на тротуаре разбитые наручные часы. Стекло треснуло, стрелка дёргалась, отсчитывая секунды, будто пыталась удержать время, не дать ему рухнуть. Рядом лежала маленькая кукла — её платье было в пыли, а одна рука отломана. Она смотрела в небо широко раскрытыми глазами, будто всё ещё ждала, что кто-то придёт и заберёт её домой.

Я стояла, чувствуя, как холод ползёт по коже, и понимала: это не просто конец чьей-то истории. Это конец целой эпохи, который теперь живёт во мне — в каждом вдохе, в каждом стуке сердца, в этих часах, что всё ещё пытаются отсчитывать время там, где времени больше нет».

Всё стихло. Не просто затихло — остановилось, будто сама планета перестала дышать. Мир провалился в тьму, и это была не обычная ночная темнота, а густая, вязкая пустота, которая не просто поглощала свет, а высасывала саму возможность существования. Казалось, даже воздух стал тяжелее, словно каждая его молекула налилась свинцом.

И в этой мёртвой тишине звуки били по нервам, как удары молота. Уханье совы прозвучало не как крик птицы, а как погребальный набат — низкий, тягучий, будто кто-то выстукивал ритм похоронной процессии. Где-то мелькнули крылья летучей мыши — не просто шорох, а торопливое, паническое хлопанье, будто зверь пытался убежать от самого конца света. А потом пришёл тот самый звук — маслянистый, влажный, ползучий шорох. Он полз по земле, как живое зло, и я знала: это уползала одна из тех тварей, выполнив свою работу. Этот звук был хуже криков — он означал, что всё уже сделано, и ничего нельзя исправить.

Я стояла, не смея пошевелиться, боясь даже вдохнуть, потому что казалось: если я нарушу эту тишину, тьма обернётся ко мне и посмотрит своими невидимыми глазами. И только когда шорох окончательно растаял вдали, меня накрыло осознание — холодное, острое, как лезвие. Это был лишь первый этап.

А вторым должно было стать полное стирание. Не просто разрушение, а именно стирание — будто кто-то собирался вычеркнуть человечество из самой ткани реальности. Здания, машины, дороги, мосты, даже крошечные таблички с названиями улиц — всё, что человек создал, чтобы сказать: «Я был здесь», должно было исчезнуть, как будто его никогда и не существовало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.